

А. В. Комар

Куда «запаздывают» монеты? (К вопросу о роли монет в датировке раннесредневековых памятников Восточной Европы VI—VIII вв.)

Keywords: chronology, absolute dating, coin limit, Byzantine solids, archaeologisation.

Ключевые слова: хронология, абсолютная датировка, монетный репер, византийские солиды, археологизация.

O. V. Komar

How could coins “be late”? (Towards the role of coins in dating of early medieval sites of 6—8th cc. in Eastern Europe)

Absolute dating of complexes with help of coins is one of the oldest theoretical problems of archaeology. A number of correction factors were proposed in order to solve the problem of life time of a coin before its archaeologisation. Behaviour of Byzantine solidi of the 5th—8th centuries A. D. in societies outside of Byzantium can be traced by European monetary hoards and Chinese tombs with exact dates. Both examples give a wide span between the date of coin age and its archaeologisation, and also demonstrate that a foreign coin is never the youngest artefact in the complex.

A. V. Komar

Куда «запаздывают» монеты? (К вопросу о роли монет в датировке раннесредневековых памятников Восточной Европы VI—VIII вв.)

Для определения диапазона использования монеты до момента археологизации предлагались различные способы коррекции монетной даты. Возможность проследить реальное поведение византийских солидов V—VIII вв. в обществах вне границ Византии дают европейские монетные клады и китайские гробницы с точной датой. Оба примера дают довольно широкий диапазон между датой чеканки монеты и её археологизацией, а также демонстрируют, что иностранная монета никогда не является самым молодым артефактом комплекса.

В раннесредневековой археологии Восточной Европы одной из самых острых и принципиальных проблем является проблема абсолютных датировок, приобретающая важнейшее значение при исторической и даже этнической интерпретации кочевнических комплексов. Главным источником здесь выступают византийские и арабские монеты, являющиеся единственным достоверным показателем *terminus post quem* времени археологизации комплекса. Впрочем, исследователи довольно часто наделяют монеты более высокой датирующей способностью, предлагая различные варианты коэффициентов и «поправок», позволяющих определить саму дату археологизации комплексов.

Сейчас уже сложно установить, кому точно принадлежит выражение «запаздывание монет», но наибольший резонанс оно, несомненно, получило после серии

работ А. К. Амброза, продемонстрировавшего факты значительной временной разницы между датой чеканки монет и реальным временем их археологизации в ряде раннесредневековых культур Восточной Европы (Амброз 1971; 1980; 1989 и др.). А. К. Амброз предложил использовать для создания хронологической системы метод формирования региональных шкал относительной хронологии с их последующей синхронизацией с «центральными» шкалами (хорошо обеспеченными абсолютными реперами), уже давно используемый к тому времени в исследовании европейских культур римского времени. Применение этого метода к раннесредневековым восточноевропейским культурам привело к «омоложению» датировок целого ряда памятников, вызвав к жизни одновременно и дискуссию о т. н. «запаздывании монет».

И. О. Гавритухин справедливо отметил в ответ на критические замечания Ч. Балинта (Балинт 1984: 17—19; Valint 1992: 402—405), что, собственно, А. К. Амброз лишь констатировал «запаздывание» монет, не пытаясь найти отдельный метод для расчета их усредненно-го «запаздывания» в комплексах (Гавритухин, Обломский 1996: 58, 59). Такой метод в то же время был предложен Г. Е. Афанасьевым (Афанасьев 1979: 47—50), несколько модифицировавшим его в одной из последних работ (Афанасьев, Рунич 2001: 37). В основу метода положен расчет среднестатистической дистанции между датой чеканки младшей монеты из клада (или другого комплекса) и монетой интересующего выпуска, традиционно применяемый в нумизматике для оценки времени нахождения монет в обороте. В последнем случае значение имеет как максимальный, так и усредненный показатели верхней границы, но наиболее важен все-таки временной диапазон количественного преобладания монет конкретного выпуска (пик их концентрации в обороте). У этого метода, несомненно, есть и слабая сторона — это опора на клады, прятанные обычно в одном регионе в связи с одними и теми же опасными событиями, из-за чего монеты времени сокрытия механически получают самые короткие интервалы хождения, а о длительных «спокойных» периодах информация минимальна.

Ещё сложнее перенесение данных статистического анализа кладов на погребальные комплексы «варварского» населения. К примеру, драхмы Хосрова II (590—628 гг.), среднее «запаздывание» которых в комплексах Северного Кавказа Г. Е. Афанасьев определил всего в 29 лет (Афанасьев, Рунич 2001: 37), продолжают в немалом количестве встречаться в салтовских погребениях Подонья VIII—IX вв.; в Прикамье их «запаздывание» достигает в погребениях до 350 лет (Морозов 1998: 380); а в Древней Руси они найдены в четырех погребениях XI—XII вв. (Равдина 1988: кат. 63; 68; 115; 147). Нет сомнения, что даже в затертом до неузнаваемости виде сассанидские монеты продолжали ходить в обороте спустя 500 лет после выпуска в качестве весового серебра, оставаясь при этом реальным платежным средством в зоне хождения арабского дирхема. Для правильного расчета усредненного диапазона хождения монеты в «варварской» среде мало знания динамики её оборота в макрорегионе — нужны также данные по конкретному микрорегиону, этническим и социальным группам. Но даже при почти фантастическом условии полноты данных, на основании ана-

лиза кладов мы получаем усредненный статистически не *период археологизации монеты*, как предполагал Г. Е. Афанасьев, а лишь *период её наиболее вероятного попадания к собственнику*, что подводит нас к следующей важной проблеме.

Психология человека реконструирует методом противопоставления из «запаздывания монет» их «нормальное поведение», т. е. археологизацию в год чеканки («ок. даты монеты»), в реальности прямо противоречащую как функциональному предназначению данного предмета (монеты не чеканились специально для погребальных церемоний или выбрасывания в мусор!), так и общему принципу археологизации вещей в основном в «старом», «сломанном», «ненужном» статусе. Монеты же из драгоценных металлов подчинялись принципу *полной утилизации*, подразумевавшему собирание и хранение даже очень старых экземпляров как весового эквивалента текущим денежным единицам или же в качестве сырья для ювелирных изделий. Наконец, сам способ использования монеты обеспечивал ей гораздо более длительный период функционирования, чем синхронным по дате появления украшениям и бытовым предметам.

Статистический анализ кладов и больших монетных комплексов, не вызывающих подозрения в намеренном отборе части монет (например, как сырья для переплавки или украшений), теоретически может дать средний числовой показатель времени попадания монеты к человеку из общества, вовлеченного в монетный обмен, отраженный кладами. Но в обществе, находящемся вне интенсивного денежного обмена, монета и попадает к собственнику в силу исключительно редких обстоятельств, и затем обычно изымается из оборота и начинает существовать по другим законам: в качестве украшения, памятного сувенира, награды, реде — «валюты» или эквивалента веса («экзагия»), наконец, просто «слитка» драгоценного металла.

Многолетнее изучение нумизматического материала из кочевнических комплексов Восточной Европы VII—VIII вв. (Кропоткин 1962; Smeadly 1988; Семёнов 1986; 1988; 1991; 1993; Залеская и др. 1997) позволило выделить в составе византийских монет полноценные, маркированные и немаркированные легковесные солиды, а также «тяжелые» медальоны, поступление которых соответствовало разным моделям отношений кочевников с Византией — вынужденные и «дружественные» выплаты, подарки, поступления по дипломатическим каналам. Многие эпизоды на современном этапе могут быть довольно

точно идентифицированы с историческими событиями (Копылов, Смоляк 1988; Безуглов, Науменко 1999; Круглов 2002; Комар 2006; Безуглов 2007). Корректное использование исторических данных позволяет значительно конкретизировать время поступления монет к кочевникам, но оставляет все так же открытым вопрос времени их археологизации.

Шагом к решению этой задачи, возможно, в будущем может выступить привлечение данных анализов по C^{14} . Небольшая выборка подобных анализов приведена П. Штадлером в отношении аварских погребений (Stadler 2005: 108—113). В одном из 5 случаев усредненная дата по C^{14} оказалась намного раньше монетной (на 41 год), в остальных средний показатель по C^{14} превышал средний показатель монеты на 2—21 года; максимальная разница между нижней границей чеканки монеты и датой по C^{14} — 81, верхней — 43 года (Stadler 2005: 113). При этом сразу два погребения (п. 761 и 855 Szegvar-Oromdulo) с солидами Ираклия и Ираклия Константина 616—625 гг. чеканки, связанными с наиболее крупными выплатами аварам 620—625 гг., оказались датированными одинаковым «усредненным» временем 622,5 г., т. е. археологизация монеты здесь должна произойти немедленно после её поступления. В данном методе пока смущает большое количество допусков: вначале калибровка даты по C^{14} , затем её усреднение и усреднение времени чеканки монеты. Наконец, в полученной схеме П. Штадлер вновь получил картину позиционирования монет в комплексах по дате их чеканки, т. е. их «запаздывание» здесь фактически исключено (Stadler 2005: 114—115). Технологичность метода обуславливает сложность его применения и верификации, но на этом пути пока сделаны только первые шаги.

В отечественной историографии в последнее время также широко распространено мнение о «незначительном запаздывании» солидов VIII в. в Восточной Европе, хотя нагрузка этого выражения у исследователей различна.

А. И. Семенов первым выделил группу подкурганых погребений типа Соколовской Балки с византийскими солидами VIII в. На основании анализа погребального инвентаря эпонимный комплекс с монетой Льва III (725—732 гг. чеканки) был датирован исследователем 2-й пол. VIII в. Учитывая короткие интервалы между младшей и старшей монетой в погребениях соколовского типа и факте отсутствия встречаемости здесь византийских монет VIII в. с монетами IX в., А. И. Семенов сделал вывод о «незначительности запаздывания» (Семенов 1978: 180—182),

повторенный позже в тезисном виде (Семенов 1993: 95). Отметим, что хронологическая схема, на основании которой А. И. Семенов определял «короткую хронологию» византийских монет VIII в., никогда не была озвучена, а скорее сводилась всего лишь к ряду общих представлений. В исключительно кратких опубликованных заметках внимание акцентировалось лишь на происхождении солидов VIII в. из кочевнических погребений VIII в. (в противовес комплексам VII в., в которых встречались византийские монеты VI в., и кладам арабских дирхемов, где монеты VIII в. встречаются в больших объемах до XI—XII вв.). Внутренняя периодизация соколовских погребений строилась на представлении о появлении «классических» салтово-маяцких памятников во 2-й пол. VIII в., вероятно, из-за чего к этому диапазону исследователь и относил погребения соколовского типа с салтовской гончарной посудой.

Е. В. Круглов справедливо обратил внимание на то, что тезисные замечания А. И. Семенова в работах ряда исследователей (напр.: Безуглов, Науменко 1999: 40—41; Аксенов 1999: 141; 2005: 220—221; Иванов 2000: 13, 15; 2001: 118, 121; Иванов, Копылов, Науменко 2000: 81, 88—89; Копылов, Иванов 2007: 118 и др.) были восприняты слишком буквально, как аксиома, не нуждающаяся в доказательствах, иногда даже с определением конкретного «диапазона запаздывания» монет в 20 лет (Белік 2002: 17). Взамен Е. В. Круглов предложил разделить византийские монеты на «датирующие» и «недатирующие», основываясь на «поправке» для времени сокрытия комплекса: «если поправка значительно превышает период зрелой сознательной жизни человека, равный в эпоху средневековья 20—40 годам, монеты следует считать запаздывающими, если соответствует — датирующими». На практике Е. В. Круглов осуществил подобное разделение, основываясь на собственных и наших представлениях об абсолютных датировках кочевнических комплексов (Круглов 2002: 279—292; 2005: 429—433).

Анализируя проблему использования солидов в качестве датирующего материала, С. А. Плетнева подвергла критике возможность синхронности памятников типа Соколовской Балки с монетами 2-й пол. VII—нач. VIII в. «перещепинско-вознесенскому горизонту». Исследователь подчеркнула факт использования большинства монет в качестве подвесок и следы потертости, указывающие на то, что «время их чеканки и попадания в руки воина, и тем более в его могилу, явно

не синхронно». К датировке же комплекса следует привлекать все возможные предметы из его состава, датируя «по наиболее поздним предметам, хронология которых не вызывает сомнений» (Плетнева 2003: 83).

Яркой иллюстрацией сложности использования монет из ожерелья в качестве датирующего материала может выступить книга Й. Вернера о Перещепинском комплексе. Датировав создание ожерелья из солидов Ираклия, Ираклия Константина и Ираклеона 637/638 г. и Константа II 642—646 г. чеканки временем «ок. 650 г.», т.е. временем сокрытия всего комплекса в его представлениях, Й. Вернер предположил, что это специальное «церемониальное» ожерелье, не использовавшееся в быту (Werner 1984: 17—18, 35). Анализ состояния вставок для камней, напаянных на монеты, показал совершенно другую картину — на некоторых из них видны следы ремонта в виде поджимания гнезд клещами, на других, наоборот, — следы грубого изъятия камней; многие гнезда позже бессистемно деформированы (Комар 2006: 60). К моменту археологизации ожерелья из Перещепины прошло через стадии ремонта, затем потери части вставок и намеренного изъятия оставшихся, хранения в качестве лома, попав в комплекс уже в разорванном состоянии. Рассмотрение перещепинского ожерелья как обычного археологического артефакта говорит о том, что перед нами старый, давно вышедший из употребления к моменту археологизации, предмет. Дата чеканки младшей монеты дает нам четкий *terminus post quem*, но ни дата создания самого ожерелья, ни время его выхода из обихода, ни время археологизации не могут быть определены без анализа всего круга предметов из комплекса.

Идея подчиненности времени археологизации монеты позиции комплекса в общей системе относительной и абсолютной хронологии во вступительном слове формально была декларирована и С.И. Безугловым, на практике, впрочем, продемонстрировавшим приверженность совершенно другому концептуальному подходу. С недоумением отбросив аналогии предметам и какие-либо эволюционно-типологические построения, на примере комплекса из Большой Орловки и солида Тиберия III (698—705 гг.), связываемого с выплатой хазарам ок. 705 г., исследователь попытался убедить читателя в том, что солиды из этой выплаты обязательно должны археологизироваться в рамках короткого интервала, равного «дееспособной части жизни одного поколения, т.е. 20 лет, а в реальности...

ещё короче», наделив, таким образом, солиды конца VII — нач. VIII в. безоговорочной датирующей способностью (Безуглов 2007: 114—119).

Очередной раз мы сталкиваемся всё с той же логической ошибкой — определение вероятного времени и обстоятельств поступления монеты к её собственнику не тождественно определению времени археологизации монеты. Об этом ярко говорит и половинка солида Тиберия III (698—705 гг.) из п. 1 к. 4 Потайного I, найденная в комплексе с характерным среднесалтовским колчаным крюком IX в. (Копылов 1981: рис. 229).

В работах исследователей раннехазарских древностей, интерпретирующих краткие ремарки А.И. Семенова, нетрудно заметить целый блок примечательных аксиоматических постулатов: 1) византийские выплаты и подарки правителю немедленно раздавались и его подчиненным, но никак не позже, самим правителем; 2) выплата производилась исключительно солидами новейшей чеканки; 3) получивший однажды византийскую выплату должен быть обязательно причастен и к следующим, если он оставался жив; 4) солиды поступали систематически, а не эпизодично; 5) такие выплаты не передавались по наследству, а в полном объеме зарывались с умершим; 6) человек в раннем средневековье обязательно умирал к 30—40 годам. Нарушение хотя бы одной из этих аксиом неуклонно ведет к увеличению диапазона между датой чеканки монеты и её археологизацией, а следовательно, к «девальвации» эксклюзивного датирующего значения монеты и возрастанию роли анализа сопутствующего инвентаря.

Магия датировки по монетам велика, с ней, несомненно, трудно состязаться громоздким (и зачастую запутанным) хронологическим системам, поскольку «гениальная простота» метода не предполагает ни создания классификационных схем артефактов, ни группировки комплексов, ни поисков точных аналогий, ни аргументации хронологической значимости полученных выводов, а при отсутствии монетных реперов в интересующем комплексе позволяет апеллировать к аналогии в другом комплексе с монетой, выполняя минимум аналитических операций. Уверенность же таких исследователей практически непоколебима в силу отсутствия видимых реальных механизмов проверки их выводов.

Как же определить объективно, без теоретических суждений, что именно является «нормальным» поведением монет, особенно

иностранных, в раннесредневековых «варварских» погребениях, и насколько они соотносятся с другими категориями инвентаря?

Западноевропейские варварские королевства эпохи раннего средневековья в значительной степени формировались на осколках Римской империи, передавшей им по наследству основы денежного обмена, поэтому сравнение ситуации здесь будет лишь отчасти применимым к Восточной Европе.

Европейские находки византийских солидов VI—VIII вв., к сожалению, пока не происходят из точно датированных погребений. И даже знаменитое погребение «дамы из Кельна», вмещавшее 12 монет, датировано лишь широко временем Теодеберта I (ок. 530—540 гг.) (Lafaurie, Morrisson 1987: 84). В данном погребении наше внимание привлекают два ожерелья: состоящее из монет временем от Валентиниана I (364—367 гг.) до Юстина I (522—527 гг.), и второе — с монетой Феодосия II 432 г. Младшая монета в комплексе чеканена при Аталарихе (526—534 гг.) и отстоит по дате чеканки от старшей монеты как минимум на 162 года. Любопытно, что ожерелья состоят в основном из римских монет, воспринимавшихся уже не как платежное средство, а только как украшение.

Случаи, когда младшая византийская (иностранный) монета в комплексе дополняется более поздней местной германской монетой, часты в европейских кладах. Согласно своду Ж. Ляфори и С. Морриссон: Alise-Sainte-Reine — солид Анастасия (491—518 гг.) с младшей монетой после 550 г.; Chissey-en-Morvan — арабо-византийский динар Ираклия с сыновьями (621—641 гг.) с монетой 640—650 гг.; Mops — монеты Фоки (602—610 гг.), Ираклия и Ираклия Константина (616—630 гг.) с младшей монетой ок. 660 г.; Escharen — византийские монеты от Зенона (474—476 гг.) до Маврикия Тиберия (582—602 гг.) с младшими монетами ок. 595—600 гг.; Nietap — солид Ираклия и Ираклия Константина (616—625 гг.) с младшей монетой ок. 630—640 гг.; Crondall — тремисс Фоки (602—610 гг.) с монетами ок. 640 г. (Lafaurie, Morrisson 1987: 64, 67—68, 80—82, 88, 93). Есть и случаи синхронности солидов с младшими германскими монетами, причем это самые большие клады: Var, Viviers, Wieuwerd (Lafaurie, Morrisson 1987: 75—80, 89).

Германские клады, конечно, происходят из обществ, уже вовлеченных в интенсивный денежный обмен, и принадлежали людям, тесно связанным с международной торговлей. Но даже в этой среде мы видим небольшую

асинхронность иностранных монет («валюты») по отношению к местным: разница между *terminus post quem* их чеканки в кладах от нескольких лет до 60. И, заметим, речь идет об активном использовании солидов, а не о их хранении как реликвий. В последнем случае примеры гораздо более отдаленные по времени — например, солид Юстиниана I 548/549 гг. чеканки из депозитария тамплиеров XIII в. в Keele Hall (Великобритания) (Lafaurie, Morrisson 1987: 94). В России отмечен и более впечатляющий случай — это отпечаток солида Юстиниана II 705—711 гг. чеканки на одном из листов сборника XVII в. (Платонов 2006: илл.1а; 1б). Реальную восточноевропейскую параллель ситуации в раннесредневековых германских кладах, когда время археологизации византийской монеты проверяется по монетам других государств, можно наблюдать в Галиатском склепе 1935 г., где солид Ираклия и Ираклия Константина 611—641 (613/614) гг. найден в составе близкого времени инвентаря вместе с дирхемом ал-Басры 700/701 гг. (Кропоткин 1962: 30); разница *terminus post quem* чеканки монет здесь составляет до 86—90 лет.

«Варварские» комплексы Восточной Европы с монетами — в основном, погребения, а не клады, а монеты в них полностью выведены из денежного оборота. Насколько динамика археологизации монет будет отличаться здесь от западноевропейской?

Частично ответ на этот сложный вопрос может дать другая цивилизация — китайская. В гробнице родителей императрицы Ли Цзюэ из Цзаньхуана найдены пробитый для ношения солид Феодосия II (423—424 гг.) и 2 целых солида Юстина I и Юстиниана I (527 г. чеканки). Несмотря на столетнюю разницу в чеканке, все три солида одинаково хорошей сохранности (лишь с легкими следами потертости). Ли Сицзун умер в 540 г. в возрасте 33 лет, но гробница сооружена только в 544 г. (т.е. он был перезахоронен), а его жена Цуй Юцзи умерла в 71 год в 575 г. Сольды находились в гробнице не со скелетами, а как дары с набором посуды. Точно такой же набор инвентаря происходит из гробниц Цуй Ан (566 г.) и Фань Цуй (576 г.). Д. Уотт заключает, что набор посуды помещен в гробницу в 575 г. при захоронении Цуй Юцзи, но датирует время его изготовления периодом Восточной Вэй (534—550 гг.) (Watt 2004: 252—254).

Рассмотренный пример сочетает почти все возможные сложности, с которыми в раннесредневековой салтовской археологии обычно сталкивается исследователь: время сооружения гробницы не совпадает

с датой смерти первого погребенного; старший по возрасту ровесник первого, но захоронен на 31 год позже; инвентарь уложен отдельно от погребенных. Что в этой модели могли бы датировать монеты из комплекса? Разница между датой чеканки младших монет и их археологизацией — 48 лет, хотя от даты смерти первого погребенного их отделяет всего 13 лет. Инвентарь *изготовлен позже* младшей монеты на 7—23 года, а от момента археологизации его, в свою очередь, отделяют 25—40 лет. Ориентируясь на монеты 527 г. и высокий статус погребенных в обществе, но не имея никакой дополнительной информации, мы бы наверняка выделили гробницы 566—576 гг. с однотипным инвентарем в горизонт культуры «поздней Северной Вэй» (386—534 гг.), тогда как в реальности инвентарь из них принадлежит времени Восточной Вэй (534—550 гг.), а его археологизация произошла в период Северной Ци (550—577 гг.). При этом, если бы находившиеся в финансовом затруднении наследники Цуй Юцзи уложили в могилу только старшую монету Феодосия II 423—424 гг. (для подвески сохранившуюся просто великолепно), то наша дата отстояла бы от реальной на полтора столетия!

Именно такую ситуацию видим в гробнице Ши Даодэ 678 г. с имитацией солида Феодосия II (408—450 гг.) (Thierry, Morrisson 1994: 112); в гробнице Ань Пу из Маншань 709 г., находились две драхмы Пероза I (457—484 гг.) и Кавада I (484—531 гг. с перерывами), а также солид Фоки (602—610 гг.); в гробнице Ши Хэдань из Гуюань (671 г.) — брактеат Анастасия (491—518 гг.); гробница Ши Соань из Гуюань (664 г.) — похожий брактеат, но допускающий и более ранние прототипы конца IV — 1-й пол. V в.; в гробнице Ши Даодэ (ум. 678 г.) — имитация солида Маркиана (450—457 гг.) или Анастасия (491—518 гг.); в комплексе ранней Тан (после 618 г.) пещеры 222 Дуньхуана — драхма Пероза I 476—477 гг.; в гробнице Ши Шэ'у 609 г. — имитация драхмы Пероза I (457—484 гг.) (Alram 2001: 274—289; Watt 2004: 325—326). В большом кладе из Хэцзяцунь, спрятанном после 732 г. («ок. 756 г. ») вместе с древними и более современными китайскими, а также японскими монетами, найдены драхма Хосрова II (590—628 гг.) и имитация солида Ираклия и Ираклия Константина (610—640 гг.) (Thierry, Morrisson 1994: 112; Hansen 2003: 15, 17; Ying 2003).

Обычно исследователи рассматривают поступление солидов в Китай как отражение

спорадических дипломатических отношений с Византией или торговли через Шелковый путь. В.И. Распопова также предполагает, что в рассмотренном выше примере солиды вряд ли могли быть получены вдовой Ли Сицзуна после смерти мужа, хотя тот и не дожил до момента, когда их дочь стала императрицей (Watt 2004: 254). Другое мнение высказала Л. Ин, отмечая, что византийские солиды (а не их подражания, которые исследовательница связывает в основном с выходцами из Согда) в центральном Китае происходят исключительно из гробниц, датированных с 575 по 621 г. Количество монет в каждом случае больше одной, а наибольшее их количество происходит из наиболее ранней гробницы в группе из Гуюань военачальника Тянь Хуна (ум. в 575 г.), где было 5 солидов, в т.ч. и 2 знакомых солида Юстина I и Юстиниана I 527 г. чеканки, пробитые для ношения, но фактически без следов потертости. Самая ранняя монета в комплексе — солид Льва I 462—466 гг., позже солид Юстина I 518—522 гг., а самая поздняя — обрезанная монета Юстиниана I 537—542 гг. чеканки (Alram 2001: 282—285); инвентарь гробницы относится к периоду Северной Чу (557—581 гг.), т.е. минимум на 20 лет позже чеканки младшей монеты и на 95 лет — старшей. Вся эта группа погребений 575—621 гг. с византийскими солидами принадлежит членам императорских семей или доверенных чиновников императора. По мнению Л. Ин, солиды могли быть получены в качестве дипломатических даров каганами жуаньжуаней (авар) и тюрков, и в качестве таковых же направлены китайскому императору как символ гегемонии над степью (Ying 2005: 17; fig.4; 2003).

Учитывая, что авары вошли в дипломатический контакт с Византией в 558 г., а тюрки — только в 568 г., гипотеза L. Ying вновь сближает время предполагаемой выплаты и наиболее ранних погребений с солидами (575 г.), хотя тогда приходится заключить, что византийцы *намеренно* расплачивались с варварами старыми (но не использовавшимися в обороте) монетами, изымая их из хранилищ казны. Собственно, об этом и самостоятельно может свидетельствовать сочетание солидов Феодосия II и Льва I с юстиниановскими 527 г. и 537—542 гг. чеканки. В таком случае, наиболее важной становится *дата выплаты* и её *состав*, а не дата чеканки самих монет.

Концепция Л. Ин, конечно, во многом дискуссионна. В частности, присутствие в гробнице Тянь Хуна монеты Юстиниана I

537—542 гг. не обязательно означает, что не было отдельной выплаты ок. 528 г., да и эта монета могла быть отчеканенной ещё при жизни Ли Сицзуна (ум. в 540 г.). В гробнице жуаньжуаньской (аварской) принцессы из Цысянь найдены солиды Анастасия (491—518 гг.) и Юстиниана I 538 г. чеканки, хотя её смерть датируется 550 г., т.е. на 8 лет раньше установления контактов авар с Византией (разве что предполагать позднее перезахоронение). Солид Анастасия (491—518 гг.) найден и на кочевнической территории — в Монголии в погребении из Бикэци, правда, датированном по аналогиям серебряной чаше из китайской гробницы 608 г. периодом Суй или ранней Тан (Thierry, Morrisson 1994: 125). Весьма вероятно, что речь идет о какой-то дипломатической выплате жуаньжуаням (аварам) и китайцам времени Юстиниана, связанной с поддержкой византийских интересов в торговле шелком с Согдом и Китаем. Установление такого факта имело бы, без преувеличения, важнейшее значение для восточноевропейской истории, поскольку полностью объяснило бы посольство авар к византийцам 558 г. и неожиданное немедленное заключение союза с ними, а затем инициативу согдийцев и тюрков 568 г. по возобновлению торговли шелком с Византией.

Отметим, что из доступных нам данных о датированных погребениях с солидами в Цысянь наблюдаем самый короткий интервал между датой чеканки младшей монеты и смертью погребенного — всего 12 лет. В собственно китайских погребениях «рекорд» пока составляет 26 лет, он отмечен в гробнице связанного с тюрками Дугу Ло (534—599 гг.) из Дичжанвань, где найден солид Юстина II 573 г. чеканки (Thierry, Morrisson 1994: 112—113). Причем причины короткого интервала в этих примерах кардинально различны — юный возраст в первом случае (13 лет) и получение монет в зрелом возрасте (не менее 40 лет) во втором. В гробнице Тянь Хуна такой интервал 33—37 лет, но любопытен случай с выплатой монетами 527 г. чеканки, которые здесь, как и в гробнице Цуй Юцзи, отстают от даты погребения на 48 лет. Что касается выплаты времени Юстина II (565—578 гг.), то второй солид этого императора (пробитый для ношения и потертый) найден в гробнице Ши Даоло (ум. 658 г.), что составляет разницу в 93 года (Alram 2001: 286).

В гробнице Ши Тебан 668 г. найден брактат монеты Ардашира III (628—630 гг.), разница — 40 лет (Alram 2001: 281). Относительно небольшой интервал и в слу-

чае с имитацией солида Ираклия и Ираклия Константина (610—641 гг.) из гробницы 2-й пол. VII в. в Тумэнь (Thierry, Morrisson 1994: 112). Во всех остальных примерах из Китая чеканка младшей византийской монеты отстоит от даты совершения погребения на 100—250 лет.

Поведение имитаций византийских монет могильника пограничной торговой фактории у Астаны в Турфане в целом сходно с Китаем — наиболее короткий диапазон у имитации солида Маврикия (582—602 гг.) из п. 138 (время ранней Тан, ок. 618—640 гг.) (Thierry, Morrisson 1994: 111). Но с сасанидскими монетами ситуация другая. В гробнице 653 г. найдена монета Язигерда III (632—650 гг.); в могиле 685 г. — монета дочки Хосрова II — Боран, а большинство находок драхм самого Хосрова II (590—628 гг.) происходят из гробниц диапазона 619—706 гг. (Alram 2001: 281). Археологизация сасанидской монеты здесь в основном происходит в разумных рамках 100 лет, чему имеется простое объяснение — на границе с Согдом и Персией драхма уже играла роль полноценного платежного средства, участвуя в монетном обращении региона (на вес) и подчиняясь его закономерностям (Alram 2001: 274—277).

Как видим, точно датированные китайские комплексы так и не дали нам примера пресловутой археологизации солида ни в год его чеканки, ни в первую декаду после, и даже в «коридор» в 20 лет попало всего лишь одно погребение 13-летней принцессы. «Нормальным» поведением иностранной золотой монеты в эпоху раннего средневековья следует считать её хранение *после получения* (а не чеканки!) в рамках всего сознательного отрезка жизни человека (до 50—60 лет), но с *равной* возможностью её археологизации как в год получения, так и 70 лет спустя. Об этом ярко свидетельствует всё та же гробница принцессы из Сихан — один из солидов здесь чеканен ещё до её рождения, а второй в год от роду (монеты просто получены от родителей); и интервал в случае смерти принцессы в глубокой старости равнялся бы *конечному возрасту* погребенной, поскольку у разбитых тюрками в 552 г. жуаньжуаней на востоке элементарно не было возможности для новых поступлений византийской монеты.

И это только часть проблемы, поскольку даже в таком высокоразвитом обществе, как китайское, иностранная монета выступала ещё и символом статуса, причастности к дипломатии, торговле, мемориальным предметом, поэтому их хранили, передавали новым

поколениям, а при отсутствии оригинала — изготовляли подражания.

В гораздо более архаичном обществе перещепинской и салтовской культур и у населения родственных им культурных типов вряд ли дело обстоит иначе. В Келегеях, Шиловке, Чир-Юрте, разрушенном кургане из Екатеринославской губ. найдены золотые отливки и монетовидные подвески — подражания солидам; в соколовском погребении из Астахово — индикация из золотой фольги, обернутая вокруг имитирующей монету органической основы; в кат. 14 Старого Салтова — подражание солиду. Преобладание среди подвесок солидов Ираклия 613—626 гг. может объясняться как их принадлежностью к наиболее массовым эмиссиям, так и вероятной связью данной выплаты со знаменитой тюрко (хазаро)-византийской кампанией против Персии, в которой приняли участие многие племена западного удела Западнотюркского каганата. Но объективно, учитывая те сложности, которые возникают при анализе поступлений византийских монет в хорошо известные по источникам китайские аристократические семьи, определить логику, по которой у кочевников одни монеты могли храниться или использоваться как украшение дольше, чем другие, не зная детально исторической ситуации, не говоря уже о ситуации конкретных семей, не понимая психологии древнего населения, на данном этапе практически нереально¹.

Для создания корректной системы хронологии очень важна стабильность поступления монет к исследуемой группе населения. Пример Хазарского каганата здесь весьма показателен. С момента первого союза с византийцами в 589 г. до 662 г. (когда хазары вторглись в признавшую византийский сюзеренитет Албанию) хазары периодических выступали союзниками Византии, что хорошо отражено и нумизматическими находками пе-

риода 582—647 гг. из кочевнических комплексов перещепинской культуры. Но в период 662—704 гг. о подобных союзах нет данных, более того, именно в этот промежуток хазары вторглись в византийский Крым. На протяжении 42 лет источником поступления византийских монет могли быть только военная добыча и откупы византийского населения, сформированные из случайных комбинаций монет различных выпусков. Возобновление дипломатических контактов связано с именами Юстиниана II и Тиберия III в 704—705 гг., а прекращение — с разрывом в 760—761 гг. после брака дочери хазарского кагана и арабско-го наместника Закавказья Язида ас-Сулами.

А.И. Семенов считал неслучайным то, что солид Константина V 751—757 гг. чеканки из Чистяково найден в комплексе уже с характерным салтовским инвентарем, очевидно, полагая, что именно в это время и начал формироваться «классический» салтовский комплекс культуры. Более механически эту идею развил А.А. Белик, полагая, что «салтовские» поясные наборы в стиле «лотоса» вытесняют предшествующий горизонт уже в 60—70-х гг. VIII в. (Белик 2002: 17). Исследователи явно не обратили внимание на большое количество находок аналогичных поясных деталей с «лотосовидным» орнаментом в погребениях Бирки X в. и сооружениях её гарнизона (Arbman 1943: Taf.95: 1; 96: 8, 9, 18, 19; Hedenstierna-Jonson, Holmquist Olausson 2006: pl.I: 4, 5, 8, 9). Выпуск солидов 751—757 гг. в степных погребениях и салтовских памятниках Подонья просто наиболее поздний из поступивших — после этого византийская монета на территории Хазарского каганата известна только по обрезанным версиям из крымских памятников и несомненно связанному по происхождению с Крымской Готией Славянским кладом (Гурулева 2004: 430—440).

Трансформация отношения к византийским монетам после переориентирования торговли каганата на Арабский халифат видна по состоянию монет из поздних комплексов. В то время, как в п. 164Б Нетайловки с раннесалтовским набором инвентаря найден солид Константина V 751—757 гг. (Zironkina 1997: 251) хорошей сохранности, в п. 249 Нетайловки схематизированные отливки тех же раннесалтовских деталей сочетались с ранним поясом среднесалтовского горизонта II и половинкой солида Константина V 751—757 гг., первоначально использовавшегося как подвеска (рис. 1: 3) (Крыганов 1999: 10; табл. VIII; XII). В п. 472 Нетайловки с поясом горизонта II найден очень затертый

¹ Любопытный пример рассмотрел в специальной работе И. Г. Спасский (Спасский 1961). В XV—XVII вв. в Московском государстве существовал обычай царей жаловать за ратные подвиги «золотые» — специально отчеканенные по этому поводу русские золотые монеты. При этом высшей формой награды выступал золотой с «чепью» для ношения. Такие монеты никогда не поступали в оборот, а пробивались и носились в виде «медали». В современных коллекциях они представлены в небольшом количестве и всегда пробитые. Исключение — объемная коллекция целых золотых Алексея Михайловича 1654 г. Незнакомые с русской традицией и к тому же воспринимавшие пробитые монеты как традиционное женское украшение, украинские казаки, получившие в честь решения о признании московского царя сувереном 32 тыс. «наградных» золотых, восприняли их как банальную выплату и направили в оборот.

Рис. 1. Части солидов Тиберия III (698—705 гг.) и Константина V (751—757 гг.): 1 — п. 1 к. 4 Потайного I; 2 — Чистяково; 3 — п. 249 Нетайловки.

Fig. 1. Fragments of solidi of Tiberius III (698—705) and Constantine V (751—757): 1 — Potainoj I, Grave 1 Tumulus 4; 2 — Chistjakovo; 3 — Netailovka, Grave 249.

солид Льва III и Константина V 737—741 гг., использовавшийся как подвеска (исследования В. С. Аксенова 2008 г.)². А в погребении из Чистяково с поясом салтовского горизонта III разрубленный на 4 части солид Константина V 751—757 гг. представлен лишь двумя четвертями (рис. 1: 2) (Тахтай 1999: 164). В п. 1 к. 4 Потайного I найдена половинка солида Тиберия III 698—705 гг. (рис. 1: 1), сочетавшаяся с литым колчаным крюком (Копылов 1981: рис. 229; 231; Копылов, Смоляк 1988: 60, рис. 3), характерным для салтовских комплексов горизонтов II—IV, т. е. в основном IX в.; точнее относительная позиция погребения не определяет в силу его «ограбления». И лишь погребение с половинкой солида Юстиниана II (705—711 гг.) из к. 3 Вербового Лога IX (Иванов, Копылов, Науменко 2000: 82, рис. 2, 3) по инвентарю уверенно датируется раннесалтовским горизонтом.

Деление монет на две или четыре части неизвестно в европейских кочевнических комплексах VII — сер. VIII в., но это очень характерная черта использования арабских монет в Восточной Европе IX—XI вв. Отчасти состояние солидов из к. 3 Вербового Лога IX, п. 1 к. 4 Потайного I, п. 249 Нетайловки и Чистяково можно объяснить именно через призму влияния оборота дирхемов. С другой стороны, деление солидов может также рассматриваться как попытка максимально продлить «престижную» погребальную традицию сопровождать умершего золотой монетой, сформированную в эпоху активного поступления византийских солидов к кочевникам. В пользу последнего

свидетельствует грубо сломанная монета-подвеска из п. 249 Нетайловки (рис. 1: 3) и, в особенности, грубое неравномерное четвертичное деление солида из наиболее позднего в рассмотренной группе Чистяковского погребения (рис. 1: 2).

Из четырех упомянутых случаев только в к. 3 Вербового Лога IX монета зафиксирована *in situ*, располагаясь в области рта (Безуглов, Науменко 1999: 40), что аналогично ситуации с солидом в п. 2 к. 1 Саловского I (Копылов, Иванов 2007: рис. 4: 20), явно указывая на существование обряда. В п. 1 к. 2 Обозного, где монет не было, в области рта погребенного тем не менее найден смятый, нефункциональный золотой бубенчик (Комар, Пиоро 1999: 150; табл. 1: 9), а в к. 5 Кривой Луки XXVII — разрубленная золотая серьга (Федоров-Давыдов 1984: 89). Но значение имело не только само золото: С. И. Безуглов и С. А. Науменко обратили внимание на интересный факт наличия в к. 3 Вербового Лога IX вместе с половиной разрубленного солида гладкого золотого монетообразного кружка, близкого по размерам и весу солиду (Безуглов, Науменко 1999: 40). Имея возможность изготовить золотое украшение, данная кочевническая семья, тем не менее, была вынуждена класть в могилу родственника лишь имитацию монеты и половинку солида. Золотая монета или её часть в этом контексте становится даже не реликвией и не простым «оболом мертвых», а своеобразным «пропуском» в загробный мир славных предков.

Ещё одно косвенное свидетельство в пользу знаковости золотых монет у кочевников — это их стоимость. Распространенное в литературе представление о маркировании византийскими солидами высокого социального и имущественного ранга погребенного

² Выражаем признательность автору раскопок за информацию.

далеко от реальной стоимости солида, равной в Византии всего 2 овцам или 1/12 лошади (Большаков 2000: 138; Сорочан 2001: 142). И даже 9 номисм из самого богатого погребения типа Соколовской Балки — к. 2 Подгорненского IV не дотягивали до стоимости обычной молодой лошади. Материальная сторона такого «награждения» либо вообще не играла роли, либо же мы имеем дело с особенностью погребального обряда, подразумевавшей лишь символическое представительство малой доли вещей покойного в погребении. Но если лошадь или овца не представляли для кочевника особой диковины, золотая монета, полученная из рук правителей или высших военных командиров, превращалась в особый знак отличия³, гордость семьи и всего рода, знак связи рода с «небороденным» каганом, а через него, следовательно, и с высшим божеством — Тенгри. Отказаться от такого «талисмана» шаманисту было весьма непросто, что, возможно, и обусловило деление на части последних оставшихся солидов в конце VIII—IX в.

Есть ли практическая необходимость классифицировать монеты по принципу «новые — старые», «датирующие — недатирующие», «современные — запаздывающие»? Для «варварского» общества вопрос новых или старых монет (или даже шире — предметов) в погребальном комплексе скорее составляет часть проблемы погребальной обрядности. И лишь при условии объективного отражения погребальными памятниками всех монетных поступлений можно судить о реальной динамике археологизации этой категории предметов, политических связях отдельных групп населения и т. п.

Мы в который раз вынуждены констатировать невозможность расчета объективных усредненных поправок для использования монеты в качестве *прямого основания* для датировки времени археологизации комплекса, обращаясь к тому, что проверяемо современными методами археологического анализа,

т. е. к классификации артефактов, корректной группировке признаков комплексов, определению направления эволюции культуры, выделению этапов и поиску абсолютных реперов (монетных, исторических и т. п.) для их позиционирования во времени.

Монетный репер как *terminus post quem* времени археологизации комплекса не нуждается в «корректировках». Рассмотренные примеры поведения византийских монет в германских кладах на практике демонстрируют, что время чеканки младшей иностранной монеты может отстоять от времени её археологизации от нескольких до 60 лет, в китайских же погребальных комплексах этот диапазон составил от 12 до 100 (и больше) лет. «Социальная» составляющая поведения монет в обоих случаях схожа — дистанция между временем чеканки и археологизации византийской монеты минимальна в самых крупных западноевропейских кладах, а в Китае — в погребениях самых знатных и приближенных к правителям лиц (при дистанции между монетой и датой погребения в 40 лет, инвентарь младше монеты ок. 20 лет, что отражает динамику смены вещевого комплекса); и она растет по мере падения имущественного и общественного статуса собственника. Но что особенно важно, и в рассмотренных германских, и в китайских комплексах византийская (иностранная) монета ни разу не оказалась самым «молодым» (новым) артефактом — таковыми всегда выступают предметы местного производства.

Для любого исследователя хронологии монета остается одной из самых желанных находок в комплексе, часто — это настоящая удача, но завершение формирования любого сложносоставного археологического комплекса обычно связано с той культурной средой, к которой принадлежал его собственник. Поэтому решающее значение в датировке «варварского» комплекса принадлежит все же не импортам или монетам, а позднейшей группе «варварских» предметов из него.

Литература

Амброз А. К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. *СА* (2), 96—123.

Аксёнов В. С. 1999. Старосалтовский катакомбный мо-

гильник. *Vita Antiqua* 2, 137—149.

Аксёнов В. С. 2005. К вопросу о существовании памятников этнических хазар в верхнем течении Северского Донца. В: Петрухин В. и др. (ред.). *Хазары. Славяне и евреи* 16. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 219—230.

Афанасьев Г. Е. 1979. Хронология могильника Мокрая Балка. *КСИА* 158, 43—51.

Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. 2001. *Мокрая Балка* 1. Москва: Научный мир.

Безуглов С. И. 2007. О монете из Большой Орловки

³ Здесь уместно вспомнить рассказы о жизни А. В. Суворова, включающие эпизод его одаривания императрицей серебряным рублем (тогда ещё в статусе рядового), который он хранил до конца жизни, а затем уже сам А. В. Суворов награждал отличившихся солдат рублями или червонцами, которые пробивались солдатами и носились на шее как символ награды.

Петербургский апокриф. Послание от Марка

- (к оценке датирующих возможностей). В: Гугуев В.К. (отв. ред.) *Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона* II. Москва; Иерусалим: Гешарим, 114—118.
- Безуглов С.И., Науменко С.А. 1999. Новые находки византийских и иранских импортов в степях Подонья. *Донская археология* (1), 35—42.
- Белік О.О. 2002. Поясні набори горизонту Столбиче-Строкорсунська з поховань лісостепового донського варіанту салтівської культури (до проблеми хронології). В: Литвиненко В.М. та інші (ред.) *Історична наука: проблеми розвитку*. Луганськ: Видавництво СНУ ім.В. Даля, 13—19.
- Большаков О.Г. 2000. *История Халифата*. Т. 2. Москва: Восточная литература.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. Москва: ИА РАН.
- Гурулева В.В. 2004. Золотые монеты Константина V (741—775), найденные в Судак. *Сугдейский сборник* 1. Киев; Судак.
- Залеская и др. 1997: Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фоянкова Н.А. 1997. *Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад*. Санкт-Петербург: Славия.
- Иванов А.А. 2000. *Раннесредневековые подкурганские кочевнические захоронения второй половины VII — первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья*. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Волгоград.
- Иванов А.А. 2001. Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. В: Сташенок Д.А. (отв. ред.) *Культуры Евразийских степей второй половины I тыс.н.э. (из истории костюма)* 2. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 118—131.
- Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А. 2000. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала. *Донская археология* (1). Воронеж, 81—90.
- Комар А.В. 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII в. *Степи Европы в эпоху средневековья* 5. Донецк, 7—244.
- Комар О.В., Пиоро В.І. 1999. Курганы хазарского часу на Луганщині. *Vita Antiqua* 2, 111—136.
- Копылов В.П. 1981. *Об исследовании археологических памятников в зоне строительства Донской оросительной системы в 1980 г.* Архив ИА РАН. № 8104.
- Копылов В.П., Иванов А.А. 2007. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский. В: Гугуев В.К. (отв. ред.) *Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона* II. Москва; Иерусалим: Гешарим, 119—153.
- Копылов В.П., Смоляк А.Р. 1988. Торговые связи Византии в населении Нижнего Дона в конце VII — первой половине VIII в. В: *Торговля и мореплавание в бассейне Чёрного моря в древности и средние века*. Ростов на-Дону: Издательство РПИ, 57—66.
- Кропоткин В.В. 1962. Клады византийских монет на территории СССР. *САИ Е4—4*, Москва.
- Круглов Е.В. 2002. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI—VIII вв. в восточноевропейских степях. *Хазарский альманах* 1. Харьков, 79—93.
- Круглов Е.В. 2005. Хазары — поиск истины. В: Петрухин В. и др. (ред.) *Хазары. Славяне и евреи* 16. Москва: Гешарим; Иерусалим: Мосты культуры, 427—457.
- Крыганов А.В. 1999. *Отчет об археологических раскопках Нетайловского могильника в 1998 г.* Архив ИА НАНУ. № 1998/50.
- Морозов В.Ю. 1998. Использование находок сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья. В: Сташенок Д.А. (отв. ред.) *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии)*. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 378—386.
- Платонов Е.В. 2006. Отпечаток солида Юстиниана II в русском сборнике XVII века. В: Залеская В.Н. (ред.) *Византийская идея. Византия в эпоху Комненов и Палеологов*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 103—108.
- Плетнёва С.А. 2003. *Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья — IV—XIII века*. Воронеж: Издательство ВГУ.
- Равдина Т.В. 1988. *Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси*. Москва: Наука.
- Семёнов А.И. 1978. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону. В: Столяр А.Д. (отв. ред.) *Проблемы археологии* 2. Ленинград: Издательство ЛГУ, 180—183.
- Семёнов А.И. 1986. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга. *АСГЭ* 27. Санкт-Петербург, 92—97.
- Семёнов А.И. 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. *АСГЭ* 29. Санкт-Петербург, 92—111.
- Семёнов А.И. 1991. Византийские монеты Келегейского комплекса. *АСГЭ* 31. Санкт-Петербург, 121—130.
- Семенов А.И. 1993. О датирующих способностях византийских солидов VII—VIII вв. В: Марченко И.И. (отв. ред.) *Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы*. Краснодар: б/и, 94—95.
- Сорочан С.Б. 2001. *Византия IV—IX веков. Этюды рынка*. Харьков: Майдан.
- Спаский И.Г. 1961. «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси. *Тр. Государственного Эрмитажа* IV (2). Санкт-Петербург, 92—134.
- Тахтай А.К. 1999. Погребальный комплекс хазарской эпохи из округа г. Чистяково Сталинской области. *Vita Antiqua* 2, 160—165.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1984. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье. В: Мартынов А.И., Эрдели И. (отв. ред.) *Проблемы археологии степей Евразии*. Кемерово: Издательство КГУ, 80—94.
- Alram M. 2001. Coins and the Silk Road. In: Julianio A.L. (ed.) *Monks and Merchants. Silk Road treasures from Northwest China*. New York: Harry N. Abrams Incorporated, 271—291.
- Arbman H. 1943. *Die Gräber Birka* I. Uppsala: Almqvist & Wiksells boktryckerie aktiebolag.
- Balint Cs. 1992. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe. In: Daim F. (ed.) *Awarenforschungen* 1. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 309—496.

- Watt 2004: Watt J. C. Y. (ed.). *China. Down of a Golden Age, 200—750 A.D.* 2004. New York: The Metropolitan Museum of Art.
- Hansen V. 2003. The Hejia village hoard: a snapshot of China's Silk Road trade. *Orientalia* 34 (2), 14—19.
- Hedenstierna-Jonson C., Holmquist Olausson L. 2006. *The oriental mounts from Birka's garrison. An expression of warrior rank and status.* Antikvariskt archiv 81. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.
- Lafaurie J., Morrisson C. 1987. La pénétration des monnaies byzantines en Gaule mérovingienne et visigotique du VIe au VIIIe siècle. *Revue numismatique* 6 (29), 38—98.
- Smeadly J. 1988. Seventh-century Byzantine coins in Southern Russia and the problem of light weight solidi. In: Hahn W., Metcalf W.E. (ed.) *Studies in early Byzantine gold coinage. Numismatic Studies* 17. New York: The American Numismatic Society, 111—130.
- Stadler P. 2005. *Quantitative Studien zur Archäologie der Awaren I.* Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Thierry F., Morrisson C. 1994. Sur les monnaies byzantines trouvées en Chine. *Revue numismatique* 6 (36), 109—145.
- Werner J. 1984. *Der Grabfund von Malaja Perescepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren.* München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
- Ying L. 2003. Western Turks and Byzantine gold coins found in China. *Transoxiana* 6: http://www.transoxiana.com.ar/0106/lin-ying_turks_solidus.html.
- Ying L. 2005. Solidi in China and Monetary Culture along the Silk Road. *The Silk Road* 3 (2), 16—20.
- Žironkina O. 1997. Seltene Perlenformen des chasarenzeitlichen Gräberfeldes von "Netailovka" (Metallovka) am Nördlichen Donec (Severskij Donec). In: von Freedon U., Wiczorek A. (ed.) *Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen. Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11. bis 14. November 1994. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte* 1. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 249—252.

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2010 г.

Oleksii Komar (Kiev, Ukraine). Candidate of historical sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine.

Комар Алексей Викторович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии Наук Украины.

E-mail: akomar@mail.ru